

ОТВѢТЪ Г. БОГОЛЮБОВУ.

Во второй сентябрьской книжкѣ (№ 15) „Православнаго Путеводителя“ за текущій годъ напечатана статья г. Д. Боголюбова: „Къ вопросу о разработкѣ миссионерской полемики съ сектантами“. Статья представляет собою „отвѣтъ на профессорскую критику“ миссионерско-полемическихъ писаній названнаго автора, представленныхъ имъ, годъ съ лишкомъ тому назадъ, въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи для обоснованія своей претензіи на занятіе новоучрежденной каѳедры исторіи и обличенія русскаго сектантства. По порученію Совѣта разсмотрѣніемъ печатныхъ „трудовъ“ г. Боголюбова занималась особая коммиссія въ составѣ *трехъ* лицъ (пишущій эти строки былъ однимъ изъ нихъ), которыми и были представлены, вмѣсто одного общаго, *два* отдѣльныхъ отзыва, различныхъ по объему, но вполне сходныхъ въ общей оцѣнкѣ пріемовъ противосектантской полемики претендента и въ рѣшительномъ заключеніи о научной неподготовленности его къ преподавательской дѣятельности въ академіи. Съ такимъ заключеніемъ вполне согласился и академическій Совѣтъ, въ засѣданіи 15 сентября 1905 г. *единогласно* отклонившій кандидатуру г. Боголюбова. Но послѣдній, какъ можно было въ этомъ случаѣ напередъ предугадать, „остался при особомъ мнѣніи“ о своихъ достоинствахъ и правахъ на академическую каѳедру, а въ непріятныхъ для него отзывахъ увидѣлъ несправедливую и придиричивую критику, подсказанную кастовыми и личными мотивами весьма невысокаго качества. Противъ этой-то критики и выступаетъ онъ въ свой статьѣ, стараясь увѣрить, что дѣлаетъ это „не для спора, не ради лишь самооправ-

данія и не по дурнымъ пубужденіямъ“, а во имя интересовъ противосектантской полемики.

Выступаетъ, оказывается, уже не въ первый разъ. Еще за мѣсяцъ, если не больше, до появленія „отвѣта“ въ „Путеводителѣ“ мнѣ передавали, что въ одной изъ еженедѣльныхъ церковныхъ газетъ появилась статья г. Боголюбова съ возраженіями противъ отзыва проф. М. Д. Муретова и съ неприличными выходками противъ меня, какъ автора другого отзыва о миссіонерско-полемическихъ произведеніяхъ моего неудавшагося коллеги. Но, признаюсь, я не настолько интересуюсь мнѣніемъ о себѣ г. Боголюбова, чтобы тратить время на провѣрку этого сообщенія во второй его половинѣ; что же касается возраженій на отзывъ другого рецензента, то право отвѣчать на нихъ, если бы въ томъ оказалась надобность, принадлежитъ, конечно, прежде всего—самому проф. Муретову, и съ этой стороны дѣло нисколько не мѣняется отъ того, что я былъ и остаюсь въ полномъ согласіи съ его соображеніями и выводами о научно-практической цѣнности работъ, подлежащихъ нашему совмѣстному разсмотрѣнію. Безъ сомнѣнія, я и доселѣ не удосужился бы ознакомиться съ этимъ полемическимъ „трудомъ“ г. Боголюбова, если бы онъ не выступилъ вторично въ „Провославномъ Путеводителѣ“,—журналѣ, любезно высылаемомъ мнѣ, какъ *бывшему* сотруднику. За то теперь я уже не имѣю причинъ упрекать себя за невниманіе къ первой попыткѣ нашего автора дать энергичный отпоръ своимъ „недоброжелателямъ“, такъ какъ новый „отвѣтъ на профессорскую критику“ по содержанію и формѣ, повидимому, мало отличается отъ прежняго. Правда, г. Боголюбовъ собирается здѣсь приступить къ дѣлу „въ спокойномъ и уравновѣшенномъ состояніи духа, безъ всякихъ риторическихъ выкриковъ и злобныхъ выходокъ по адресу противниковъ“ (стр. 241). Но кто же не знаетъ, что подобныя обѣщанія рѣдко кому удается выполнить въ полемической статьѣ, и что о спокойствіи и уравновѣшенности въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно начинаютъ говорить тѣ, кто уже потеряли способность оставаться спокойными и уравновѣшенными? Признакомъ утраты этихъ качествъ г. Боголюбовымъ я считаю ту инсинуацію по моему адресу, какую онъ позволилъ себѣ на стр. 243. Но объясняться съ нимъ здѣсь по этому поводу я считаю

излишнимъ какъ по причинѣ, уже указанной раньше, такъ—и это самое главное—потому, что цѣль настоящей замѣтки вовсе не въ сведеніи нашихъ личныхъ счетовъ съ г. Боголюбовымъ. Пусть онъ думаетъ и пишетъ обо мнѣ, что ему угодно, если уже такъ необходимо ему излить на кого-нибудь горечь оскорбленнаго самолюбія. Только пусть онъ покрѣпче запомнить, что не всѣ средства самозащиты одинаково позволительны въ подобныхъ случаяхъ. Желая предостеречь его на будущее время, я рѣшаюсь остановиться здѣсь на нѣкоторыхъ, направленных *мимо меня* или, по крайней мѣрѣ, *не исключительно противъ меня*, наѣздническихъ приемахъ его черезъ-чуръ развязной полемики.

Одинъ изъ нихъ—не самый худшій—заключается въ упорномъ замалчиваніи того хорошо извѣстнаго г. Боголюбову обстоятельства, что въ числѣ официальныхъ рецензентовъ его печатныхъ произведеній, кромѣ проф. Муретова и меня, было еще третье лицо, имя котораго стоитъ на *первомъ* мѣстѣ подъ однимъ изъ представленныхъ въ Совѣтъ отзывовъ. Авторъ „отвѣта на профессорскую критику“, какъ я слышала, уже не въ первый разъ дѣлаетъ мнѣ незаслуженную честь, приписывая *только* мнѣ составленіе доклада, украшеннаго подписью проф. В. О. Ключевского. Правда, этотъ докладъ кажется г. Боголюбову „поверхностнымъ“ и „не проникающимъ въ глубину предмета“; но все же было бы не безынтересно знать, какими соображеніями руководился полемизирующий съ нами авторъ, покрывая молчаніемъ соучастіе въ не очень лестномъ приговорѣ о его печатныхъ „трудахъ“ знаменитаго ученаго и профессора? Думаетъ ли онъ, что послѣдній легкомысленно поставилъ свою подпись подъ чужими мыслями и словами, не давъ себѣ труда вникнуть въ ихъ содержаніе? Но въ этомъ можно убѣдить только тѣхъ, кто совсѣмъ не знаетъ, съ какою осторожною разборчивостью распоряжается своимъ именемъ въ дѣлахъ общественнаго значенія проф. Ключевскій. Или г. Боголюбовъ щадить репутацію своего академическаго учителя, умалчивая о его участіи въ составленіи „поверхностнаго“ отзыва, „не проникающаго въ глубину предмета“? Но достаточно обратить вниманіе на то, въ какомъ тонѣ „отвѣчаетъ“ по мѣстамъ г. Боголюбовъ другому своему учителю (стр. 247, 248 и др.), чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ свободенъ онъ отъ избытка

благодарной почтительности къ „наставникамъ, хранившимъ юность нашу“. И невольно напрашивается иное предположеніе: не счелъ ли г. Боголюбовъ болѣе благоразумнымъ умолчать объ участіи проф. Ключевскаго въ составленіи одного изъ непріятныхъ отзывовъ просто потому, что въ противномъ случаѣ, пожалуй, для читателей „отвѣта на профессорскую критику“ показался бы не очень убѣдительнымъ величественно-презрительный приговоръ объ этомъ отзывѣ, какъ „не проникающемъ въ глубину предмета“? Вѣдь въ „глубину“ пониманія качествъ, необходимыхъ для научной и профессорской дѣятельности, В. О. Ключевскій, конечно,—болѣе способенъ заглянуть, чѣмъ Д. И. Боголюбовъ...

Если объ одномъ изъ непріятныхъ для него по прошлогоднему дѣлу лицъ нашъ авторъ предпочелъ благоразумно умолчать, то о другомъ онъ отзывается съ чувствомъ нескрываемаго раздраженія. Никакъ не можетъ онъ примириться съ тѣмъ, что академическій Совѣтъ предпочелъ ему другого претендента на новоучрежденную кафедру, г. Коновалова. Что сдѣлать, спрашиваетъ онъ, этотъ послѣдній „для науки по сектантству такого, о чемъ бы знала наша долготерпѣливая родина, помимо его академическихъ друзей“? Почему неизвѣстный вопрошателю съ этой стороны человекъ предпочтенъ Совѣтомъ самому г. Боголюбову, написавшему нѣсколько миссіонерско-полемическихъ книжекъ по сектантству? Признаюсь, мнѣ лично эти недоумѣнія не кажутся сколько-нибудь серьезными. Надлежащій отвѣтъ на нихъ, при большемъ душевномъ спокойствіи и менѣе остромъ самолюбіи, г. Боголюбовъ могъ бы найти въ томъ самомъ, печатно опубликованномъ, протоколѣ совѣтскаго засѣданія, который далъ поводъ и матеріалъ для его „отвѣта на профессорскую критику“. Но если причина упомянутаго предпочтенія дѣйствительно остается для него неясной, то я охотно помогу ему своими разъясненіями, такъ какъ здѣсь нѣтъ ни какого секрета. Совѣтъ Академіи, принявши извѣстный, вѣроятно, и г. Боголюбову проэктъ постановки преподаванія по новоучрежденной кафедрѣ, хорошо зналъ, что было бы совершенно безнадежнымъ дѣломъ—искать для замѣщенія ея совершенно готоваго и общепризнаннаго спеціалиста, такъ какъ *научная* разработка русскаго сектантства у насъ, можно сказать, почти еще и не начиналась. Конечно,

„наша долготерпѣливая родина“ питаетъ и грѣтъ не малое число людей, въ—серьезъ готовыхъ выдавать себя при случаѣ за такихъ специалистовъ; но нельзя же было академическому Совѣту подгибать свои требованія подъ мѣрку ихъ пониманія, такъ какъ это значило бы съ первыхъ же шаговъ безнадежно испортить хорошее дѣло. При такихъ обстоятельствахъ не оставалось ничего другого, какъ найти человѣка, обладающаго, при несомнѣнномъ интересѣ къ изученію русскаго сектантства, хорошею общею подготовкой къ ученой работѣ и яснымъ пониманіемъ научныхъ требованій. Эта именно мѣрка и была примѣнена Совѣтомъ при состоявшемся конкурсѣ двухъ претендентовъ на замѣщеніе новой каѳедры. Одинъ изъ нихъ, правда, еще не заявилъ о себѣ *ubi et ubi* никакой печатной работой по вопросамъ данной специальности, но былъ хорошо извѣстенъ со студенческой скамьи своимъ товарищамъ и учителямъ, какъ талантливый молодой ученый, при томъ—уже нѣсколько лѣтъ пристально занимающійся изслѣдованіемъ одной изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ отраслей русскаго сектантства. Возможность получить въ лицѣ его, при дальнѣйшемъ расширеніи спеціальной подготовки, исполнѣ достойнаго представителя новой академической каѳедры стояла для Совѣта внѣ всякаго сомнѣнія. Другой претендентъ имѣлъ то *видимое* преимущество, что уже приобрѣлъ себѣ широкую извѣстность на „нашей долготерпѣливой родинѣ“ своею устной и письменной полемикой съ сектантами. Но оставляя въ сторонѣ первую, какъ находящуюся внѣ поля наблюденія академическаго Совѣта, о второй, при ближайшемъ ознакомленіи съ ней, оффиціальнымъ рецензентамъ пришлось произнести, дѣйствительно, довольно суровый, но—это они и теперь могутъ повторить съ тою же степенью увѣренности—вполнѣ справедливый приговоръ. Миссіонерско-полемическія упражненія г. Боголюбова своею отрѣшенностью не только отъ пріемовъ, но и отъ выводовъ библейско-богословской науки показали съ полною ясностію, что въ лицѣ его мы не только не имѣемъ готоваго ученаго спеціалиста—сектовѣда теперь, но не можемъ питать надеждъ увидѣть такого въ будущемъ ¹⁾. Ясно,

¹⁾ Сила этого заключенія нисколько не ослабляется тѣмъ, что миссіонерскихъ „Весѣдъ“ г. Боголюбова, по его словамъ, разошлось по Россіи

что Совѣту Московской Духовной Академіи вовсе не было надобности обращаться ни къ какимъ „подозрительнымъ вѣсамъ“, чтобы при опредѣленіи сравнительнаго достоинства конкурентовъ показательная стрѣлка наклонилась не въ сторону г. Боголюбова.

Теперь, если бы нашъ не въ мѣру самолюбивый полемистъ оказался въ состояніи запастись хоть на время дѣйствительнымъ „спокойствіемъ и уравновѣщенностію духа“, ему было бы уже не трудно понять всю неосновательность и неумѣстность тѣхъ злобно-клеветническихъ выходокъ, какія онъ позволилъ себѣ въ отношеніи къ всему академическому Совѣту, во главѣ съ ректоромъ, своимъ „бывшимъ товарищемъ по академіи“, епископомъ Евдокимомъ. Послѣднему онъ почему-то ставить въ большой упрекъ то, что заранѣе не могъ узнать отъ него „толкомъ“ правды объ отношеніи академическихъ профессоровъ къ своей кандидатурѣ на кафедру. Но какимъ же пророческимъ духомъ могъ предугадать „бывшій товарищъ“ это отношеніе, опредѣлившееся лишь послѣ разсмотрѣнія Совѣтомъ докладовъ спеціальной коммисіи? Вѣдь только въ близкой къ *mania grandiosa* фантазіи г. Боголюбова можетъ укладываться предположеніе, что профессора академіи при первомъ же извѣстіи о заявленной кандидатурѣ на кафедру „нашего знаменитаго полемиста“ должны были забить тревогу и принять непреклонную рѣшимость „провалить“ его во что бы то ни стало, такъ какъ „такимъ только путемъ они могли постоять за автономію своей корпораціи“ (стр. 243; ср. стр. 257). И на подобныхъ-то предположеніяхъ строится, въ концѣ концовъ, публично бросаемый

почти 3000 экземпляровъ, а противосектантскій катихизисъ „въ три года выдержалъ три изданія, въ количествѣ 15000 экземпляровъ“, о чемъ спѣшить оповѣстить насъ авторъ, внушительно замѣчая, что эти цифры „говорятъ сами за себя“ (стр. 235). Смѣю увѣрить г. Боголюбова, что есть книги еще болѣе популярныя,—въ родѣ, напр., извѣстной „Исторіи объ англійскомъ милордѣ Георгѣ“, которая „выдержала“ не одинъ десятокъ изданій и „разошлась по Россіи“ не въ одной сотнѣ тысячъ экземпляровъ. Но едва-ли кому-нибудь, не исключая и нашего обидчиваго полемиста, приходило въ голову пожалѣть о томъ, что на долю неизвѣстнаго автора названной „Исторіи“ не выпало чести — украсить собою кафедру историческихъ наукъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ или въ какомъ либо другомъ высшемъ учебномъ заведеніи.

академическому Совѣту упрекъ въ устройствѣ „своеобразной комедіи“!..

Г. Боголюбовъ очень обидчивый человѣкъ, и для тѣхъ, къѣмъ онъ не доволенъ, у него имѣется хорошій запасъ „жестокословныхъ“ выраженій. На протяженіи одной страницы (244) онъ дважды клеймитъ названіемъ „хамства“ неблагопріятные для него отзывы сотрудниковъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, охотно открывавшаго прежде свои страницы для его „бесѣдъ“ и другихъ миссіонерско-полемиическихъ произведеній. Не станемъ разбираться въ томъ, насколько справедливы притязанія г. Боголюбова на *сыновнюю* почтительность къ себѣ со стороны названнаго журнала и его сотрудниковъ. Но едва-ли захочетъ онъ отречься даже и теперь отъ духовнаго родства съ своей московской *alma mater* и съ тѣми, подъ чьимъ руководствомъ получилъ онъ въ ней свое богословское образованіе. А въ такомъ случаѣ не болѣе ли подходить къ его вышеприведеннымъ выходкамъ порицательное названіе, произведенное отъ имени второго сына ноева?

И. Громогласовъ.
